Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате

VIII-XI века

Преподобный Иоанн Дамаскин
Праведная царица Феодора
Святитель Ансгарий
Мученица Людмила Чешская
Преподобный Иоанн Рильский
Равноапостольный
великий князь Владимир
Преподобный Симеон Новый Богосл
Праведный король Стефан Венгерск
Преподобный Феодосий Печерский

Ольга Клюкина

Святые в истории. Жития святых в новом формате. VIII-XI века

Серия «Святые в истории», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11311062
Святые в истории. Жития святых в новом формате. VIII—XI века./ Клюкина О. П.: Никея; Москва; 2015
ISBN 978-5-91761-369-7

Аннотация

В серии «Святые в истории» писательница Ольга Клюкина обращается к историческим свидетельствам, чтобы реконструировать биографии христианских подвижников различных эпох. О святых минувших столетий автор рассказывает живым современным языком, делая их близкими и понятными сегодняшнему читателю.

Третья книга серии охватывает VIII–XI века и посвящена эпохе иконоборческих споров, христианизации варварских народов и Крещению Руси.

Содержание

От издательства 4
Преподобный Иоанн Дамаскин 5
Праведная царица Феодора 17
Святитель Ансгарий 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Ольга Клюкина
Святые в истории. Жития святых в новом формате. VIII–XI века

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р14-411-1182

От издательства

Святость – состояние, к которому призваны все христиане. Недаром, в первые века святыми именовали не выдающихся подвижников, а сообщество христиан в целом. Одновременно с этим складывалось и особое почитание мучеников, из которого впоследствии выросло почитание святых – не только погибших за веру, но и достигших своей праведной жизнью особой близости к Богу. «Друзьями Божиими» назвал святых преподобный Иоанн Дамаскин в VIII веке. Как бы ни были далеки от их подвига простые верующие, в Церкви Христовой все обретают единство, ведь святые – это люди Церкви, воплотившие призыв к святости, который обращен к каждому христианину.

Жизнь святого всегда воспринималась как пример. В житиях – жанре, достигшем наивысшего расцвета в Средние века, – слушателей и читателей интересовали в первую очередь не исторические подробности, а воплощение подвижником христианского идеала святости. Многие

жития создавались по образцу других, более ранних текстов, спустя не только годы, но и столетия после смерти святого, о котором порой не имелось практически никакой информации. Неудивительно, что современному читателю нередко бывает сложно за житийным образом разглядеть реального человека из плоти и крови.

Книга, которую вы держите в руках, продолжает серию «Святые в истории». Ее автор, писательница Ольга Клюкина, обращается к историческим свидетельствам, чтобы воссоздать биографии святых различных эпох. Каждый рассказ помещен в широкий исторический контекст, позволяющий более ярко представить реальную жизнь подвижников веры. Несмотря на обилие исторических фактов, книга читается удивительно легко, на одном дыхании. Рассказывая о святых прошлых столетий живым современным языком, автор делает их близкими и понятными сегодняшнему читателю. Серия выстроена по хронологическому принципу. Ключевые моменты истории Церкви и святости каждого периода раскрываются через жизнеописания девяти святых.

Третья книга серии охватывает период VIII–XI веков. В VIII веке Восточная Церковь столкнулась с ересью иконоборчества. Это противостояние, длившееся почти полтора столетия, способствовало не только развитию богословской мысли в Византии, но и появлению новых святых, отстаивавших чистоту веры. Укоренившись на территории Римской империи, христианство в этот период активно выходит за ее пределы, и в лоно Вселенской Церкви вливаются венгры, скандинавы, славянские народы. Крещение Руси стало поворотным моментом в истории страны, включенной в орбиту византийской христианской культуры.

Преподобный Иоанн Дамаскин († до 753/4)

Преподобный Иоанн Дамаскин. Фрагмент фрески. Мануил Панселин. Церковь Успения Богородицы в Протате, Афон, Греция. Нач. XIV в.

Ведь цель – не победить, но протянуть руку подвергающейся нападению истине…

Турки-сельджуки явились с востока, встали на горе Ал-Кайсакил и оттуда начали осаду Великой Антиохии.

Хватило трех дней, чтобы воины Сулеймана ибн Кутулмыша ворвались в город, безжалостно истребляя всех его жителей.

Спаслись только те, кто успел взобраться на гору и спрятаться за стенами городской крепости, да немногие антиохийцы, укрывшиеся от резни в подвалах и других укромных местах.

Монаху Михаилу из монастыря Святого Симеона тоже удалось притаиться в каком-то темном подземелье. Дождавшись ночи, он выбрался наружу и ужаснулся: на улицах Великой Антиохии не осталось ни одной живой души, повсюду лежали убитые, воздух был пропитан дымом и гарью.

Монах решил пробираться в крепость и, стараясь остаться незамеченным, начал бесшумно взбираться на гору. Чем выше он поднимался, тем труднее было оглядываться назад: при лунном свете следы разрушений и пожарищ в Великой Антиохии напоминали запекшуюся кровь, город казался мертвым.

На рассвете Михаил достиг крепости и увидел, как из ворот выезжает конный вооруженный отряд.

Мужчины-антиохийцы не стали дожидаться, когда войско Сулеймана начнет осаду их последнего убежища. Подкупив отряд турок, стоявший в крепости Артах, они вместе выступили против врага.

Пока Михаил обдумывал, как ему войти в крепость: обойти ее то ли с одной, то ли с другой стороны, – конный отряд уже обратился в бегство, преследуемый турками Сулеймана. А дальше вообще началось что-то невообразимое…

Еще не взошло солнце, как турки собрали всех, кто находился в крепости: мужчин, женщин, детей, стариков, коней, вьючных животных, – и скопом погнали вниз.

Среди пленных был и Михаил, ругавший себя за то, что зачем-то покинул свое укрытие. Он был уверен: пришел последний день его жизни, и, пока турки гнали антиохийцев, как стадо, по склону горы, стал вспоминать, какое сегодня число и день недели.

Неужели 4 декабря, праздник святой великомученицы Варвары?

Обычно в этот день улицы Антиохии были заполнены веселыми и нарядными горожанами.

Ежегодно на большой праздник верхом на мулах и верблюдах целыми семьями приезжали жители из окрестных деревень.

Многим непременно хотелось попасть на богослужение в церковь Святой Варвары. Там собирались самые знатные горожане, а службу совершал Патриарх Антиохийский. Все громко славили великомученицу Варвару, а еще некоего авву Иоанна Дамаскина, чья память тоже приходилась на этот день.

Михаил стал горячо молиться этим святым, чтобы они помогли ему избавиться от плена, и не прерывал молитвы, когда турки приказали всем сесть на землю и начали доставать свои кривые сабли. Но вдруг явились глашатаи и объявили приказ Сулеймана: все жители Великой Антиохии могут разойтись по домам, их никто не тронет. Долина огласилась криками ликования!

Ровно через год, 4 декабря 1085 года, монах Михаил с особым благоговением и благодарностью отмечал праздник святой Варвары в своем монастыре. Ему захотелось как можно больше узнать об Иоанне Дамаскине, но все сведения были слишком неопределенными: монах или, может быть, пресвитер, родом из Дамаска, жил примерно триста лет назад…

Кто-то знал одно только имя, другие читали книги Иоанна Дамаскина, третьи могли исполнить сочиненные им церковные песнопения, но ни в одной библиотеке не удавалось найти хоть какого-то связного рассказа о жизни этого святого.

Тогда Михаил, одинаково хорошо владевший греческим и арабским языками, задался целью собрать все сохранившиеся на тот момент сведения об Иоанне Дамаскине и составить его биографию. Это сочинение, известное как «Арабское житие Иоанна Дамаскина», написанное в конце XI века с чувством большой благодарности к святому, сохранилось и до наших дней.

Иоанн Дамаскин (арабское имя Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби) родился приблизительно в 675 году в Дамаске, столице Сирии. Его биография настолько мало известна и овеяна легендами, что историки лишь предположительно называют даты его рождения и смерти.

Большинство из них сходятся на том, что появление на свет Иоанна-Мансура пришлось на вторую половину VII века, когда Сирия уже больше трех десятилетий находилась под властью арабов. Начиная с 661 года город Дамаск, где жили Мансуры, считался столицей Арабского халифата.

Дед Иоанна, Мансур ибн Серджун (родовое имя Мансур означает «победительный», ибн Серджун – «сын Сергия»), был в Дамаске известнейшей личностью. Он занимал должность великого логофета, «хранителя сокровищ» (что-то наподобие нынешнего министра финансов, руководителя налоговой администрации и советника главы государства в одном лице).

Показательно, что городскими финансами (по некоторым сведениям – и денежными средствами всей Сирии) он руководил и тогда, когда Дамаск находился под властью персов, и после того, как город был снова отвоеван византийцами. Скорее всего, в 628 году именно великий логофет занимался выплатой контрибуции в размере тысячи динаров за освобождение Дамаска византийскому императору Ираклию.

Своей высокой должности Мансур ибн Серджун не лишился и после сдачи Дамаска в 635 году арабам. По некоторым данным, во время передачи города арабскому полководцу

Халиду ибн аль-Валиду, сподвижнику пророка Мухаммеда, именно он держал в руках золотое блюдо с ключами от Дамаска.

Отец Иоанна Дамаскина – Серджун ибн Мансур – тоже служил в финансовом ведомстве в должности логофета. (В VII веке в каждом византийском городе существовали канцелярии, отдельно занимавшиеся денежными средствами армии, общественными и частными финансами. Главы этих служб назывались логофетами.)

Таким образом, Иоанну, появившемуся на свет в знатной и богатой семье Мансуров, от рождения предназначалось пойти по стопам деда и отца и тоже стать финансистом.

Византийский хронист Феофан Исповедник называет отца Иоанна «христианнейшим человеком», в ряде других источников его родители характеризуются как «благочестивые и нищелюбивые».

На завоеванных арабами территориях (а к концу VII века это была уже не только Сирия, но и Месопотамия, Персия, Армения, Египет, области Северной Африки, Кипр и другие острова) проживало очень много христиан. Все они оказались в условиях мусульманского владычества, в том числе и сирийские христиане в Дамаске – в городе, по дороге в который в I веке ярому гонителю христиан Савлу явился Сам Христос, после чего Савл стал апостолом Павлом.

Историки отмечают, что в первые десятилетия арабы вели себя довольно снисходительно к христианскому населению завоеванных городов. Репрессии начались позже.

«Так, в Дамаске они оставили за духовенством несколько христианских церквей, ограничившись небольшим налогом на жителей в пользу мусульманских благотворительных учреждений», – пишет известный русский историк-византинист Ф. И. Успенский о времени, когда жил Иоанн Дамаскин.

Но в целом это не меняло общей картины: государственным языком в Сирии конца VII века был арабский, официальной религией – мусульманство, многие христианские храмы переделывались в мечети.

Долго оставаясь бездетными, родители Иоанна усыновили мальчика-сироту по имени Косма, а вскоре после этого у них родился свой сын, названный в честь знаменитого деда.

Однажды отец Иоанна купил на рынке пленного монаха из Калабрии (область в Италии), тоже по имени Косма, который стал учителем его мальчиков.

Чего только не пережил калабрийский монах-философ, прежде чем был выставлен на продажу на невольничьем рынке в Дамаске. Во время одного из набегов арабов на Калабрию Косма попал в плен и вместе с другими пленниками был посажен на корабль. В море на судно напали пираты, и лишь немногим тогда удалось выкупить свою жизнь, заплатив назначенную сумму, – остальным же пираты отрубали головы и бросали в море. Кто-то из палачей обратил внимание, что перед казнью все пленные подходят к немолодому монаху, опускаются перед ним на колени и просят за них помолиться.

– Разве ты патриарх христиан? Почему ты пользуешься у них таким почетом? – стали допрашивать пираты Косму.

– Я не патриарх и не глава, но бедный монах-философ, – ответил он спокойно.

Пираты решили, что жизнь человека, который у всех пользуется таким почетом, все же чего-то стоит, и отвезли Косму на невольничий рынок в Дамаск.

Здесь-то его и увидел отец Иоанна, обратив внимание, что человек в монашеском одеянии горько плачет, не пытаясь скрыть своего отчаяния.

– Человек! Что заставляет тебя плакать? Твой вид указывает на отречение от мира, – подойдя к нему, строго заметил логофет.

– Не плачу я ни о мирской жизни, ни о ее трудности, ни о многой изменчивости ее, ни о ее великих печалях. Но скорблю я о тех знаниях, которым я обучался с малых лет, над которыми я трудился в продолжение моей жизни, но не воспользовался ими во время моего

существования и не был в состоянии передать их тем, кто просил бы Бога помиловать меня после моей смерти, – приводится в «Арабском житии» ответ несчастного Космы.

Мансур принялся его обо всем расспрашивать, и оказалось, что у себя на родине пленный монах помимо Священного Писания изучал грамматику, диалектику, риторику, философию, астрономию, геометрию, музыку и прочел книги, о которых в Сирии никто даже и не слышал.

Отец Иоанна выкупил пленного и привел в свой дом, сделав учителем детей. Как сказано в житии, наставник не разлучался с учениками ни днем, ни ночью, чтобы успеть передать им все свои познания. Должно быть, именно он привил братьям (сирота Косма воспитывался в семье на равных с Иоанном), помимо прочего, и необычайную любовь к музыке.

Обладавший литературным даром Иоанн Дамаскин (в то время его звали, как и деда, Мансур ибн Серджун, имя Иоанн он получил после принятия монашества) отличался еще и редким умением излагать любой, даже самый сложный, материал доходчиво, в виде стройной системы, – и в этом тоже угадываются «университеты» просвещенного монаха Космы.

Когда учитель состарился и почувствовал свою миссию выполненной, он попросил Мансуров отпустить его в монастырь Святого Саввы Освященного, неподалеку от Иерусалима. Там, на Святой Земле, калабрийский монах и окончил свои дни.

После смерти отца Иоанн тоже стал работать в финансовом ведомстве Дамаска. Как считают историки, именно поэтому на VII Вселенском Соборе его сравнивали с апостолом Матфеем, который до своего апостольского призвания был сборщиком податей.

В «Арабском житии» говорится, что Иоанн-Мансур был первым секретарем областного правителя, сделавшись «обладателем его тайных и явных помыслов, его приказаний и запрещений».

Почетная должность принесла Иоанну немало страданий: однажды он был обвинен в измене халифу в пользу греков-византийцев и приговорен к телесному наказанию. По варварским восточным обычаям Иоанну отрубили кисть правой руки, вывесив ее на всеобщее обозрение на центральной площади Дамаска.

Вечером Иоанн послал сказать эмиру, что его рука нестерпимо болит и эта боль не успокоится до тех пор, пока отрубленная ладонь не будет погребена в земле. Эмир распорядился отдать бывшему секретарю отрезанную часть руки. Иоанн привязал ее на прежнее место, всю ночь провел в молитвах перед иконой Богородицы, а наутро нашел руку исцеленной – под повязкой остался только шрам.

Узнав о свершившемся чуде, эмир вынужден был признать, что напрасно поверил клевете и несправедливо обошелся с Мансуром. Он предложил ему вернуться на прежнюю должность, но Иоанн попросил, чтобы его отпустили в монастырь.

Вскоре вместе с братом Космой они покинули Дамаск и отправились в Палестину, в монастырь Святого Саввы Освященного. Единственное, что Иоанн взял с собой, раздав все имущество бедным, это фамильная икона рода Мансуров. В благодарность за исцеление Иоанн Дамаскин велел отлить руку из серебра и приложил ее к иконе, за что чудотворный образ получил название «Троеручица».

По историческим данным, Мансур из Дамаска появился в палестинском монастыре приблизительно в 10-х годах VIII века или даже раньше, приняв при монашеском постриге имя Иоанн.

Много лет Иоанн Дамаскин прожил в одном из иерусалимских монастырей, возможно, в монастыре Святого Саввы Освященного, где написал свои знаменитые богословские, философские сочинения и трактаты в защиту икон.

Высказывается предположение, что монах Иоанн Дамаскин также был священнослужителем в храме Гроба Господня в Иерусалиме и написал для праздничных богослужений более девяноста богослужебных канонов, включая песнопения к праздникам Преображе-

ния, Троицы, Сретения, Успения Богородицы, Богоявления, Воздвижения Креста Господня, Входа Господня в Иерусалим, Вознесения и другие.

Многие из известных церковных песнопений принадлежали его брату Косме Маиюмскому, который примерно в то же время принял монашество в палестинском монастыре и был посвящен во епископа Маиюмского (Маиюма – портовый город Палестины, гавань Газы).

Но если придерживаться предложенной историками хронологии, как тогда быть с подложным письмом, написанным византийским императором Львом III Исавром или кем-то из его подданных, гневом халифа Язида II, отрубленной рукой?

Ведь византийский император Лев III Исавр, при котором в Византии развернулась борьба иконоборцев с почитателями икон, пришел к власти в 717 году, а свой иконоборческий указ издал еще позже. В это время Иоанн Дамаскин, по мнению историков, уже больше десяти лет находился в палестинском монастыре Святого Саввы…

«Было бы прекрасно, если бы истина как бы являлась нам обнаженной и без завесы, а мы, люди, обладали всезнанием. Но поскольку быстротекущее время, словно накинутый на глаза покров, ослабляет наше знание, следует довериться молве и слухам и хоть как-то вывести на свет события прошлого и не дать им погрузиться в реку забвения», – пишет анонимный византийский хронист X века, Продолжатель Феофана (Феофана Исповедника, ок. 760–818), объясняя, почему не следует отвергать любую дошедшую из древности «молву».

Автор «Арабского жития Иоанна Дамаскина» не скрывает, что свой рассказ он составил из многочисленных разрозненных сведений и полезных для читателей историй. «Я уже раньше слышал о нем отдельные рассказы и нашел очень краткие упоминания, записанные во многих историях отцов, его современников, и отдельные части. Я собрал все это, кое-что выпустил, так как нашел, что эта часть истории не соответствует ее основному характеру, и сделал из этого один связный рассказ», – пишет монах Михаил в предисловии, подчеркивая литературный характер своего сочинения.

Как всякий автор, работающий в историческом жанре, он что-то обобщил, а кое-что поменял местами, заботясь о том, чтобы создать образ Иоанна Дамаскина.

Это вовсе не значит, что описанных монахом Михаилом событий не было, – просто они могли происходить в другой последовательности и, возможно, не совсем так, как это изложено в «Арабском житии». Но по большому счету некоторое искажение хронологии никак не умаляет подвига Иоанна Дамаскина, который в своей тихой келье вступил в борьбу с распространившейся в то время иконоборческой ересью.

За несколько веков поклонение святым иконам «обросло» множеством суеверных, полуязыческих верований. Все чаще с икон соскабливали краску и употребляли ее вместе со Святыми Дарами; или крестным отцом ребенку назначался не человек, а икона какого-нибудь христианского мученика. Святым образам стали приписывать магические свойства. Некоторые аристократы устраивали дома алтари из икон и на них совершали обряды, переставая ходить в храм. Или же какой-нибудь священник в своем непомерном рвении мог распорядиться убрать из церкви все кресты, а на их месте установить иконы.

Но движение иконоборцев, появившееся в Византии в VIII веке, ополчилось не только на эти «перегибы», но и на само почитание икон как таковое.

Некоторые иконоборцы высказывались, что иконы в храмах следует вешать выше человеческого роста, чтобы не допускать чрезмерного им поклонения. Другие пытались всех убедить, будто на иконах нельзя изображать Христа, так как это противоречит Священному Писанию, а вот Богоматерь и святых мучеников – можно. Третьи говорили, что храмы чрезмерно наводнены изображениями святых, и в них нужно оставить только иконы Иисуса и Богородицы.

Но преобладающей была идея вообще очистить все храмы и монастыри от икон и одним разом покончить с суевериями. Кружок сторонников такого радикального подхода сформировался в Константинополе, при дворе византийского императора Льва III Исавра. В него входили патриарший синкелл (секретарь и келейник) Анастасий, несколько крупных церковных иерархов, а также многие столичные придворные и влиятельные военачальники.

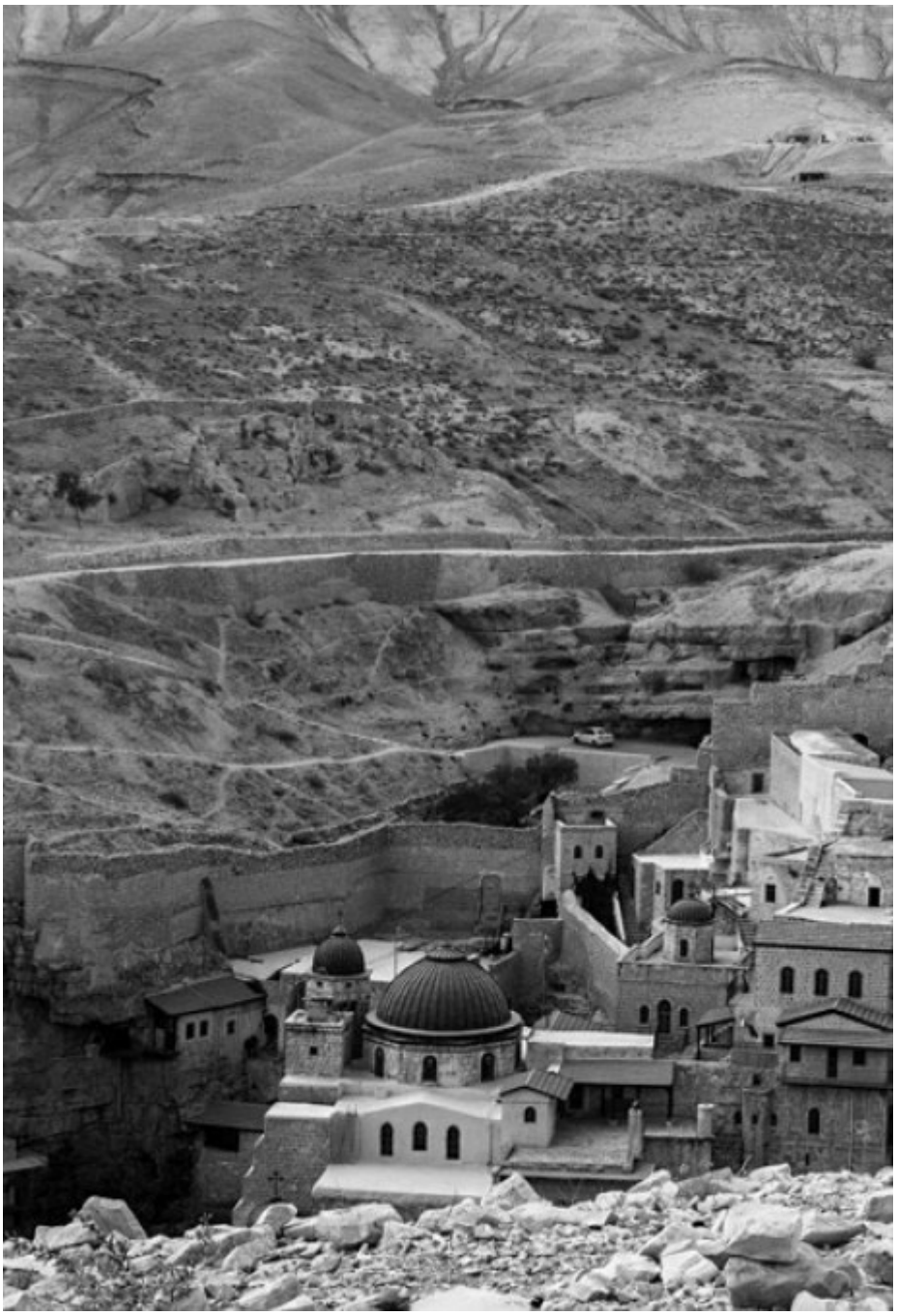
Патриарх Константинопольский Герман не разделял подобных взглядов. Иконоборцы действовали в обход него, всеми силами стараясь склонить на свою сторону императора. А потом сумели и вовсе добиться низложения и ссылки девяностопятилетнего Патриарха, который даже под давлением императора и сената не изменил своей позиции.

Трудно сказать, какие доводы больше всего подействовали на Льва III Исавра.

По мнению историка Ф. И. Успенского, взгляды иконоборцев во многом сформировались под влиянием мусульманского мира: «Магометане, завоевывая христианские земли, обратили внимание на бесчисленные изображения святых и, чтобы привлечь христианское население к поклонению своему пророку, злобно осмеивали поклонение иконам как идолослужение. Христиане, говорили они, под предлогом почитания истинного Бога наполнили мир богами еще более, чем их было в языческих храмах. Римский мир снова стал языческим, и христианство обратилось в культ идолов» («История Византийской империи»).

В июле 721 года халиф Язид II издал указ об уничтожении всех художественных изображений людей и животных на подвластной ему территории халифата, так как их запрещает ислам. По его указу из христианских храмов повсюду стали изыматься иконы.

Среди актов VII Вселенского Собора есть доклад монаха Иоанна, в котором говорится, что Лев воспринял мысль о гонении на иконы от халифа Язида и что посредником в этом деле был епископ Наколийский Константин. Упоминается также о некоем догматическом послании, которое халиф написал византийскому императору, убеждая его принять мусульманство. Однако современные историки так и не пришли к единому мнению о том, насколько серьезно мусульманское окружение могло повлиять на отношение христиан к иконам. Скорее, к возникновению иконоборчества привел комплекс причин.



Лавра Саввы Освященного, Палестина.

В 726 году император Лев III подписал эдикт о запрете икон. Текст этого указа не сохранился, как и многие другие документы иконоборческого периода. Но о том, что официальный правительственный акт относится к 726 году, пишет в своей хронике Феофан Исповедник: «В этом году начал нечестивый царь Лев дело о низвержении святых и честных икон». Византийский историк также сообщает, что на новый указ незамедлительно последовала негативная реакция Папы Римского: «И, узнав об этом, Папа Григорий составил против Льва догматическое послание, доказывая, что не подобает царю вмешиваться в дела веры и изменять древние церковные догматы, установленные святыми отцами».

Как только императорский указ был издан в Константинополе, то есть вывешен на стене собора Святой Софии на обозрение народа, в столице начались волнения.

Когда к Халкийским воротам Великого дворца явились солдаты из императорской гвардии и один из офицеров, приставив к стене лестницу, начал топором сбивать изображение Спасителя, поднялся сильный шум. Увидев, как офицер бьет топором по Лику Христа, молодая инокиня Феодосия из константинопольского монастыря Святой Анастасии подбежала к солдатам, стала их умолять не делать этого, после чего опрокинула лестницу.

Ее поддержали другие монахини, а также горожане из мирян. На площади завязалась драка, в результате которой были убиты и ранены несколько человек.

Как сообщает Продолжатель Феофана, волнения на площади происходили «в присутствии многих знатных мужей из Рима, Франции, из земли вандалов, из Мавритании, Готфии» и, конечно, были расценены как протест против указа императора и вообще императорской власти.

С этого дня принято отсчитывать растянувшуюся на сто с лишним лет борьбу почитателей икон с иконоборцами, во время которой редкие годы затишья сменялись периодами ожесточенного противоборства. По свидетельству современников, целые города и множество народа находились тогда в волнении из-за вопроса об иконах, так или иначе все христиане были вовлечены в этот важный спор.

Иконоборцы не сразу сформулировали богословские обоснования своим действиям, имея мощную поддержку в лице императорской власти. Зато в одном из палестинских монастырей нашелся человек, который сумел четко и аргументированно объяснить позицию защитников икон, – Иоанн Дамаскин.

Его «Три защитительных слова против порицающих святые иконы» были известны и в императорском дворце, и в отдаленных монастырях Византии. В народе эти сочинения переписывали и передавали друг другу в списках, использовали как улику, заучивали наизусть.

Иоанн Дамаскин объясняет, что он не мог смолчать, видя, как Церковь, словно корабль, попавший в бурю, со всех сторон захлестывают поднявшиеся волны иконоборческих споров.

«Поэтому, поражаемый невыносимым страхом, – я решил говорить, не ставя величия царей выше истины», – пишет он в своем «Первом защитительном слове…».

Разговор начинается с расхожего обвинения иконоборцев в том, что иконы якобы противоречат словам из Священного Писания о запрете изображать Бога.

«Если бы мы делали изображение невидимого Бога, то действительно погрешали бы, потому что невозможно, чтобы было изображено бестелесное, и не имеющее формы, и невидимое, и неописуемое», – поясняет Иоанн Дамаскин.

Но ведь христиане верят в Иисуса Христа, в Бога, воплотившегося в человеческом облике, – как же можно переносить ветхозаветный запрет на время Нового Завета?

Конечно, Иоанн тоже против обожествления изображений, но предлагает не путать его с достойным почитанием икон, которое пришло в церковную жизнь на основании апостольских преданий и постановлений.

Ведь «изображение не во всем бывает подобно первообразу», и у иконы существует свое назначение – она призвана помогать человеку подниматься до понимания духовных предметов.

«Изображение есть напоминание: и чем является книга для тех, которые помнят чтение и письмо, тем же для неграмотных служит изображение; и что для слуха – слово, это же для зрения – изображение, при помощи же ума мы вступаем в единение с ним», – с большим пониманием человеческой природы пишет Иоанн Дамаскин.

Ободряя, он призывает православных христиан: «Все рисуй: и словом, и красками, и в книгах, и на досках».

Писатель задается вполне логичным вопросом: почему гонениям вдруг стали подвергаться именно иконы? «Ведь христиане поклоняются Синайской горе, также Назарету, нахо-

дящимся в Вифлееме яслям и вертепу, Святой Голгофе, древу Креста, гвоздям, губке, трости, священному и спасительному копью, одеянию, хитону, покрывалам, пеленам, Святому Гробу – источнику нашего воскресения, камню гроба… и много чему еще», – перечисляет Иоанн Дамаскин. И напоминает, что все эти христианские святыни – одновременно и символ, и «материальное вещество».

«Или устрани почитание и поклонение всему этому, или, повинуясь церковному преданию, допусти поклонение иконам, освящаемым именем Бога и друзей Божиих и по причине этого осеняемым благодатию Божественного Духа», – полемизирует он с иконоборцами.

Отрицающие иконы почему-то забыли: многие подвижники, почитаемые Церковью, имели у себя иконы. Из жития святого Василия Великого известно, что он молился и даже имел откровение перед иконой Богородицы, на которой был также начертан образ мученика Меркурия. А святой Иоанн Златоуст вообще не расставался с изображением апостола Павла, которого глубоко почитал.

«И когда он прочитывал его послания, то, не сводя глаз, смотрел на изображение, и с таким вниманием взирал на него, как если бы апостол был живой, – прославляя его и представляя себе, к нему направляя все свое размышление, и чрез созерцание изображения беседовал с ним» – вот, по Иоанну Дамаскину, образец достойного и правильного иконопочитания.

Многим современникам Дамаскина была хорошо известна легенда о царе Авгаре, жившем в то время, когда Христос ходил по земле. Как-то, услышав об Иисусе, царь пожелал Его увидеть, но в тот момент не мог отправиться в Палестину. Тогда правитель Эдесского царства дал ехавшему в Иерусалим купцу кусок полотна, сказав: «Если Он не пожелает прийти сюда, то напиши Его образ и принеси мне; и я поцелую Его. И будет он во спасение моему народу и в заступничество».

По одной из версий, тем самым «купцом» был апостол и евангелист Лука, хотя эта легенда известна и в других вариантах.

По преданию, плат с запечатленным на нем образом Иисуса Христа многие годы висел над городскими воротами Эдессы, крупного древнего

поселения в Северном Междуречье (ныне город Шанлыурфа в Турции).

Об этом изображении, первой нерукотворной иконе, Иоанн Дамаскин напоминает в «Третьем защитительном слове против порицающих святые иконы», приводя царя Авгаря как дошедший из древности пример иконопочитания.

Не забыл Иоанн Дамаскин и о жившем в IV – начале V века епископе Епифании Кипрском, авторитетной фигуре в церковных кругах, поднятой иконоборцами «на свой флаг».

Как-то епископ Епифаний навестил одну епархию в Палестине и, увидев в храме завесу с изображением, как ему показалось, человека, с гневом ее разорвал. А материю демонстративно велел отдать на покрытие гроба какого-то нищего.

«Если же ты говоришь, что Божественный и достойный удивления Епифаний определенно запретил их [изображения], то знай, что, во-первых, эта книга может быть неверно надписана [его именем] и подложна: будучи трудом одного, она носит имя другого, что многие привыкли делать», – напоминает Иоанн Дамаскин. И приводит обезоруживающий контраргумент: церковь самого Епифания на Кипре во время жизни Иоанна была украшена многочисленными иконами, да и вообще история с завесой могла иметь какой-то другой смысл.

«Ведь цель – не победить, но протянуть руку подвергающейся нападению истине, так как добрая воля протягивает руку силы», – говорит

Иоанн Дамаскин в «Первом защитительном слове против порицающих святые иконы». И эта протянутая рука так и представляется той, что была исцелена возле чудотворной иконы.

Многие православные христиане могли подписаться под его словами, сказанными как будто и от их лица: «Для меня недостаточно книг, я не имею досуга для чтения, я вхожу в общую врачебницу душ – церковь, задушаемый помыслами, как бы колючими растениями. Цвет живописи влечет меня к созерцанию и, как луч, услаждая зрение, незаметно вливает в душу славу Божию. Я созерцаю терпение мученика, воздаяния венцов, и, как бы огнем, воспламеняюсь желанием к соревнованию ему…»

Наиболее драматичные моменты в истории иконоборчества в VIII веке пришлись на время царствования сына Льва III, византийского императора Константина V Копронима.

По преданию, во время крещения младенец Константин испражнился в святую купель, что уже было истолковано Патриархом Германом как дурное предзнаменование. К Константину V прочно приклеилось и вошло в историю неблагозвучное прозвище Копроним (переводят как «дерьмоименный», «навозник», «засранец»), и в этом есть отголоски народной ненависти к императору-иконоборцу.

Во время его правления по всей Византии жгли монастыри, безжалостно уничтожались древние иконы – ведь на стороне иконоборцев было правительство, вооруженное законом и мечом.

Император Константин V испытывал особую ненависть к монашеству, называя его «ненавистной» расой, носящей одеяние тьмы. Он считал, что монахов надо всех или истребить, или «переделать».

Феофан Исповедник рассказывает, как во исполнение императорского указа стратиг Фракисийской фемы (большого военно-административного округа) Михаил Лаханодракон согнал в одно место всех находящихся на его территории монахов и монахинь и объявил: «Кто не хочет быть ослушником царской воли, пусть снимет темное одеяние и немедленно возьмет себе жену, в противном случае будет ослеплен и сослан на остров Кипр».

Многие в этот день, как сообщает историк, получили мученический венец, но были и те, кто изменил своим монашеским обетам.

Запомнили современники и редкое «зрелище» на ипподроме, которое Константин Копроним устроил в августе 765 года для жителей Константинополя. Выстроенные попарно монахи и монахини шли вдоль трибун, а зрители в них плевались, отпускали непристойные шутки и соревновались в том, кто придумает более изощренное издевательство.

В «Арабском житии Иоанна Дамаскина» говорится, что в царствование Константина V Копронима вместе со Стефаном Новым, исповедником за иконы, в темнице находились в заключении триста сорок отцов, «члены которых носили следы жестоких отсечений, многочисленных ударов и мучений за поклонение иконам». А когда к Стефану Новому пришли ученики, он велел им читать сочинения Иоанна Дамаскина, которые в то время звучали не просто как полемические сочинения, а как воззвания, памфлеты в защиту икон.

«Не потерпим того, чтоб в иное время мы думали другое, и чтобы изменялись под влиянием обстоятельств, и чтоб вера делалась для внешних (т. е. нехристиан. – *Ред.)* предметом смеха и шутки! Не стерпим подчинения царскому приказанию, пытающемуся уничтожить обычай, ведущий начало от отцов! Ибо несвойственно благочестивым царям уничтожать церковные постановления. Это – не отеческие дела. Ибо дела, совершаемые посредством насилия, а не – убеждения, суть разбойнические» («Первое защитительное слово…»).

Иоанн Дамаскин называл святых друзьями Христа, а тех, кто отрицает иконы мучеников, – врагами святых, призывая верующих: «Не бесчестите матери нашей – Церкви! Не совлекайте украшения ее!»

Иконоборческий собор 754 года предал Иоанна Дамаскина проклятию, как «мыслящего по-сарацински, сочинителя лжи, клеветавшего на

Христа и злоумышлявшего против государства, учителя нечестия, извращавшего Писание». Вместе с ним были преданы анафеме еще два защитника икон – Герман, Патриарх Константинопольский, и епископ Георгий Критский.

По одной версии, Иоанн Дамаскин присутствовал на том соборе, обличал иконоборцев, перенес тюремное заключение и пытки, после чего снова вернулся в монастырь Святого Саввы, где вскоре скончался. Но исторически более обоснованна другая версия, по которой к тому времени Иоанна Дамаскина, как и двух других преданных анафеме защитников икон, уже не было в живых.

Иоанн Дамаскин скончался около 754 года (по другим данным, около 780 года) и был погребен в Лавре Саввы Освященного возле раки с мощами преподобного Саввы.

Прошли годы, и в 787 году VII Вселенский Собор подтвердил верность учения Иоанна Дамаскина об иконопочитании.

В «Арабском житии Иоанна Дамаскина» приводится немало замечательных историй из его жизни в монастыре Святого Саввы.

Когда Иоанн прибыл в Палестину и обратился к настоятелю с просьбой разрешить ему поселиться в обители и принять монашество, тот очень обрадовался его приходу. Но никто не хотел принять Иоанна под свое духовное руководство – «вследствие его великой славы, возвышенного положения и почитания его». Наконец нашелся один из старцев, который согласился, все же сразу поставив Иоанну условие: «Не делай никакого дела без моего указания и совета. Не пиши никому писем. О мирских науках, которые ты изучил, не говори и не вспоминай вовсе». Иоанн пообещал в точности следовать всем этим указаниям.

Старец придумывал различные испытания, чтобы закалить послушание Иоанна. Например, однажды велел ему пойти продавать корзины в Дамаск, назначив за них двойную цену, в другой раз приказал вычищать в монастыре отхожие места, и Иоанн со смирением и благодарностью все исполнял.

Как-то в монастыре умер один старец, и его брат, тоже монах, по этому поводу сильно печалился. Он обратился к Иоанну с просьбой, чтобы тот составил для него тропарь «в виде утешения в его скорби, чтобы он его произносил и утешался, когда будет читать его, и отвлекался им от рыданий».

Иоанн рассказал ему о своем обещании старцу отказаться от творчества, будь то сочинение трактатов или песнопения. Но монах с рыданиями умолял, говоря, что он будет петь тропарь только наедине, когда его никто не услышит, и Иоанн Дамаскин из человеколюбия согласился. Тогда-то он и написал те прекрасные, благозвучные тропари, которые до сих пор исполняются при погребении христиан.

Когда Иоанн дописывал и громко пел последние строки, только что сочиненное песнопение услышал его духовный наставник. Узнав, что Иоанн не сдержал слово, он «изгнал его от себя», что означало: сочинитель должен был вообще удалиться из монастыря. Но ночью к суровому старцу явилась Богородица, вразумила его, после чего наставник пришел к Иоанну и сказал: «Сын мой духовный! Если отныне к тебе придет слово, которое ты скажешь, то никто не будет тебя от него удерживать, так как Бог одобряет и любит это. Открой уста твои и говори о всем, что тебя будет вдохновлять. Мое же запрещение тебе объясняется моим невежеством и малознанием».

С тех пор Иоанн Дамаскин стал писать книги и музыку, заслужив у современников прозвища «Святоречивый», «Золотой поток», «Златоточивый», «Златоструй», «Мансур Сладкопевец».

Каждый год на Пасху, на пасхальной заутрене, словно из глубины веков, сначала тихо, а затем все громче, торжествующе звучит: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав…»

Эту праздничную пасхальную службу тоже написал Иоанн, родом из Дамаска.

Праведная царица Феодора (ок. 815 – ок. 867)

Праведная царица Феодора. Современная икона. Деян Манделц. Сербия.

...Да восстановит былую красу Божия Церковь!

...И сказали отроки царя, служившие при нем: пусть бы поискали царю молодых красивых девиц, и пусть бы назначил царь наблюдателей во все области своего царства, которые собрали бы всех молодых девиц, красивых видом, в престольный город Сузы, в дом жен под надзор Гегая, царского евнуха, стража жен, и пусть бы выдавали им притиранья (и прочее, что нужно); и девица, которая понравится глазам царя, пусть будет царицею вместо Астинь. И угодно было слово это в глазах царя, и он так и сделал (Есф. 2: 2–4).

Должно быть, в Византии IX века были хорошо знакомы с ветхозаветной Книгой Есфирь, где вначале рассказывается о том, как в V веке до н. э. персидский царь Артаксеркс выбирал себе супругу.

Примерно такой же «конкурс красоты» устроил в своем дворце и византийский император Феофил.

В начале 830 года со всех концов Византийской империи в Константинополь были привезены самые красивые дочери из знатных семейств для избрания императрицы. В царских палатах девушек выстроили в ряд, и молодой император, держа в руке золотое яблоко, начал делать обход.

«Была в числе невест одна благородная девица, по имени Икасия (Кассия), чрезвычайно красивая. Феофил, увидев и восхитившись ее красотой, сказал: „Чрез женщину зло излилось на землю“. Икасия со скромностью возразила: „Но и чрез женщину бьют источники лучшего". Оскорбленный возражением, царь отверг Икасию и отдал яблоко Феодоре, родом пафлагонянке», – говорится об этом событии в хронике Симеона Логофета, византийского хрониста X века.

По всей видимости, императору Феофилу не понравилось, что Икасия так непринужденно вступила с ним в диалог, и он выбрал стоящую рядом с ней скромно потупившуюся восточную красавицу. Это была юная Феодора.

Феодора родилась около 815 года в городке Эвиссе в Пафлагонии (область на севере Малой Азии), в богатой армянской семье.

Ее отец Марин был турмархом местного фемного войска (то есть управлял турмой, подразделением фемы, соединяя в своих руках военную и гражданскую власть).

Многие византийские императоры имели в роду армянские корни, в том числе и Лев V Армянин, чье правление пришлось на детские годы Феодоры. В то время армяне традиционно занимали ключевые должности и во дворце, и в византийской армии.

У Феодоры было два старших брата, Варда и Петрона, и сестры Каломария, Софья и Ирина. Мать Феодоры, Феоктиста, воспитывала детей в традициях православного иконопочитания.

Когда император Феофил вручил Феодоре золотое яблоко – символ любви и господства над миром, будущей византийской царице было примерно шестнадцать лет. Феофил тоже был молод и хорош собой. По свидетельству современников, он тщательно следил за своей внешностью и носил короткую прическу в классическом римском стиле, как Константин Великий.

История с выбором невесты хорошо показывает романтический характер и образованность Феофила. Если привезенные со всех концов царства красавицы отсылают нас к Книге Есфирь, то золотое яблоко в руке царевича напоминает о Парисе из древнегреческого мифа.

Когда-то пастуху Парису пришлось выбирать прекраснейшую из трех богинь: Гера пообещала ему власть и богатство, Афина – мудрость и славу, Афродита – обладание красотой. И Парис выбрал Афродиту, вручив ей золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей» и тем самым признав высшими ценностями любовь и красоту.

Что-то подобное произошло и с Феодорой, которая, по словам современников, обладала редкой красотой, покладистым характером и необычайно любила своего супруга. Как писал о царице Продолжатель Феофана, она «пылко любила своего мужа…», причем до конца дней.

Феофил, сын византийского императора Михаила II Травла и царицы Феклы, действительно имел немало достоинств, за которые его можно было полюбить. Отец объявил его императором, едва Феофилу исполнилось семь или восемь лет, и подростком он уже возглавлял конный отряд и храбро участвовал в сражениях против вождя массового восстания в Византии Фомы Славянина.

Наставником царевича был известный своей ученостью философ и богослов Иоанн Грамматик. Феофил получил прекрасное образование – любил литературу и музыку, сам сочинял церковные гимны и был большим ценителем красоты во всех ее проявлениях.

Феофил стремился, чтобы у него все было самым лучшим: роскошные дворцы, одежда, украшения, – и желал стать для своих подданных идеальным правителем. Лишь одно омрачало прекраснодушные порывы Феофила: его отца, императора Михаила II Травла, в народе считали цареубийцей и царевичу было суждено унаследовать запятнанный кровью трон.

В юности отец Феофила, Михаил, был другом императора Льва V Армянина. Они вместе делали военную карьеру и даже по характеру во многом были похожи: оба малообразованные, зато храбрые вояки, честолюбивые, жадные до денег и власти.

Их крепко связывала особая мужская соревновательная дружба, когда успехи одного подстегивают самолюбие другого.

Лев первым достиг вершины власти, став византийским императором. Михаил занимал при нем высшие должности, стал патрицием и начальником федератов (общин), считался одним из самых влиятельных и богатых людей в Константинополе.

Император Лев V стал даже крестным отцом, «восприемником от купели», Феофила, сына Михаила.

Но постепенно отношения между друзьями разладились, и они превратились в непримиримых врагов. Император заподозрил Михаила в измене и установил за ним слежку. Доносчики предоставили записанные разговоры в кругу вельмож, где Михаил рассказывал

компрометирующие истории из юности императора и хвастливо утверждал, что скоро сам станет царем.

Отец Феофила был взят под стражу и приговорен к казни. Приговор должны были привести в исполнение сразу же после празднования Рождества 820 года.

Утром, когда император Лев V стоял на праздничной службе в храме Святой Софии, на него с оружием набросились заговорщики, сторонники Михаила. Император попытался спрятаться в алтаре, схватил цепь от кадильницы (другие утверждают – большой крест), чтобы защищаться, но убийцы следом за ним ворвались в алтарь.

Продолжатель Феофана описывает, что происходило дальше: «…Они бросились на него скопом и ранили, ведь царь оборонялся и материей креста отражал их удары. Но, словно зверь, постепенно слабел он под сыпавшимися отовсюду ударами, отчаялся, а увидев, как замахнулся на него человек огромного, гигантского роста, без обиняков запросил пощады и взмолился, заклиная милостью, обитающей в храме. Был же этот человек родом из крамвонитов (народность в Византийской империи. – *Ред.).* И сказал он: „Ныне время не заклинаний, а убийств", – и, поклявшись Божией милостью, ударил царя по руке с такой силой и мощью…»

Императора Льва зарубили прямо в алтаре храма Святой Софии, «оставив тело валяться, словно булыжник». После этого заговорщики освободили Михаила из темницы и прямо в кандалах, так как второпях никто не мог найти ключей, посадили на царский трон, объявив императором Михаилом II.

«В середине дня, когда молва о случившемся уже распространилась повсюду и едва удалось разбить молотом кандалы, царь, не омыв рук, не обретя в душе страха Божия и вообще не успев сделать ничего необходимого, отправился в великий храм Божий, дабы получить венец от руки Патриарха и сподобиться всенародного провозглашения», – рассказывает Продолжатель Феофана.

Сам Михаил не принимал непосредственного участия в жестоком и подлом убийстве императора Льва V, но всем хорошо запомнилась лихорадочная спешка его венчания на царство и то, как он гордо в окружении своих сторонников шествовал в тот день по улице, «будто увенчанный победой атлет». И конечно, залитый кровью алтарь в храме.

«Миро оттуда верующий может собрать губкой, а вот цвет крови изменить нельзя» (Продолжатель Феофана).

Феофил был еще ребенком, когда случилось зверское убийство его крестного, изгнание в ссылку супруги императора Льва V и оскопление его сыновей (один из мальчиков после этого умер), чтобы они не могли претендовать на трон.

Он был единственным наследником императора Михаила II, но все, что происходило вокруг, имело мало общего с книжными представлениями о справедливых христианских правителях.

В 823 году умерла мать Феофила, царица Фекла. И его отец совершил поступок, снова вызвавший возмущение христиан: он пожелал взять в жены Евфросинью, дочь императора Константина VI, которая еще в детстве вместе с матерью приняла монашество. Должно быть, женитьбой на особе царских кровей Михаил II хотел узаконить свое правление в глазах тех, кто по-прежнему считал его самозванцем.

Монахиню Евфросинью разыскали в монастыре на острове Прйнкипо, привезли в Константинополь и сделали императрицей.

По сведениям византийских историков, именно мачеха надоумила Феофила устроить тот самый выбор невесты с золотым яблоком. Возможно, царь хотел лишний раз подчеркнуть, что для него, в отличие от отца, происхождение супруги не имеет значения, а важны только ее красота и добрый нрав.

Второго октября 829 года византийский император Михаил II Травл, процарствовав девять лет, умер от болезни почек, и на трон официально взошел его сын Феофил. А в 830 году в церкви Святого Стефана в Дафнийском дворце Константинополя состоялось венчание Феофила и Феодоры, после чего вся столица отпраздновала их свадьбу всенародными пирами.

Родственники императрицы перебрались в Константинополь и заняли при дворце почетные должности. Мать Феодоры получила чин «опоясанной патрикии» (высокое придворное звание, дающее право на свободный вход во дворец, а также на ношение отличительного знака – пояса). Братья Петрона и Варда сделали стремительную военную карьеру. Сестры удачно вышли замуж за императорских сановников.

И все-таки император обращался с активными родственниками Феодоры довольно строго, стараясь держать их на почтительном расстоянии.

Продолжатель Феофана упоминает, что однажды Феофил уличил брата императрицы Варду в каком-то проступке, и тот «во время обычного царского выхода бит шестьюдесятью ударами возле орология (солнечных часов. – *Ред.)».* Пресекал он и попытки родни Феодоры наладить семейный бизнес, используя имя императрицы.

Как-то, отдыхая на террасе с видом на море, император Феофил обратил внимание на тяжело груженный корабль и поинтересовался, чье это судно и что оно везет. К своему великому удивлению он получил ответ, что корабль принадлежит августе Феодоре. Император все понял и на следующий день со своей свитой отправился в гавань, где судно стояло на якоре.

Обращаясь к придворным, среди которых было немало родственников Феодоры, он задал вопрос: имеет ли кто-нибудь из них нужду в хлебе, вине или какой-нибудь другой домашней провизии? А так как все озадаченно молчали, император повторил свой вопрос во второй и в третий раз. Наконец, придворные с трудом выдавили в ответ: никто ни в чем не нуждается, имея счастье жить под властью такого императора, и поинтересовались, почему он их об этом спрашивает.

«Неужто не знаете, – сказал он, – что августа, моя супруга, превратила меня, царя Божией милостью, в судовладельца». «А кто когда видел, – прибавил он с душевной горечью, – чтобы ромейский царь или его супруга были купцами?» – передает Продолжатель Феофана речь разгневанного императора.

После этого Феофил приказал спустить с корабля людей, а само судно немедленно предать огню вместе с парусами, якорями и всем торговым грузом. «Немало слов сказал он позже, осыпал свою госпожу всевозможными оскорблениями и даже пригрозил лишить ее жизни, если только уличит в чем-нибудь подобном», – пишет Продолжатель Феофана, и, похоже, царский гнев в первую очередь был направлен на дорвавшуюся до власти родню императрицы.

Впрочем, взрывной и временами даже эксцентричный характер Феофила уравновешивался спокойным нравом царицы, и в семейной жизни император был вполне счастлив.

Прибывшие в Константинополь послы Кордовского халифата восхищались восточной красотой императрицы Феодоры даже тогда, когда она уже была матерью семерых детей.

Многие поступки молодого императора говорят о том, что Феофил всячески пытался восстановить честь императорской династии, запятнанную дурной славой отца.

Он отпустил Евфросинью в монастырь, объявив, что этот брак не угоден Богу, так как прежде была она обручена с Христом, и мачеха была ему за это благодарна.

Став императором, Феофил покарал убийц императора Льва V Армянина, которые возвели его отца на трон, проявив при этом осторожность и даже хитрость. Собрав синклит, он объявил, что теперь, став наследником царства, хочет сделать то, что не успел его отец, и

отблагодарить всех, кто помогал его предшественнику бороться за трон. Феофил велел всем участникам заговора выйти из толпы и предстать перед синклитом.

Заговорщики решили, что Феофил хочет возвеличить их должностями и подарками. Но когда они вышли, Феофил выложил перед сановниками орудие убийства императора Льва V и спросил: «Чего достойны лица, входящие в святой храм и убивающие там помазанника Божия?» Сенаторы ответили: «Смерти», – и император велел эпарху применить к преступникам гражданский закон, по которому все они были казнены.

«Возможно, Феофил заслуживает похвалы за соблюдение законов, но уж вряд ли кто припишет ему кротость и мягкость души», – комментирует эту историю Продолжатель Феофана.

К царице Феодоре император относился с подчеркнутым вниманием и был почти примерным семьянином. Рассказывают, что однажды, плененный красотой одной из служанок царицы, он «прелюбодействовал с ней и жил легкомысленно». «Но когда понял свои прегрешения и что Феодора обо всем знает, сохнет, печалится и страдает, открылся ей и, воздевая руки к Богу, поклялся страшной клятвой, что только единственный раз оступился, и просил прощения у жены» (Продолжатель Феофана).

При императоре Феофиле на месте самого большого публичного дома в Константинополе был устроен странноприимный дом, который содержался из царской казны. Возможно, это деяние тоже было знаком его покаяния.

У императорской четы родились сын Константин и пять дочерей – Фекла, Анна, Анастасия, Пульхерия и Мария. К сожалению, Константин в годовалом возрасте в результате несчастного случая утонул в бассейне. Император уже отчаялся иметь наследника, так как в семье подряд рождались одни девочки, но последним из детей Феодора снова родила сына, названного Михаилом.

Только в одном вопросе в императорской семье не было единомыслия – в отношении к иконам.

Император Феофил, воспитанный Иоанном Грамматиком – одним из главных идеологов иконоборчества, считал, что только «темные люди», идолопоклонники, могут почитать иконы. Иконоборчество для него было неотъемлемой частью государственной политики.

Во время правления двух предшественников Феофила иконы повсеместно уничтожались, из литургических сборников были изъяты гимны в честь икон, в школах проводились специальные уроки, на которых детей учили с презрением относиться к иконам и их почитателям.

Царица Феодора была вынуждена прятать от супруга иконы, чтобы лишний раз не прогневить его. Продолжатель Феофана описывает случай, когда Феодору за молитвой перед иконами застал императорский шут Дендрис. За обедом без злого умысла шут сказал Феофилу, что был у «мамы» (так он называл Феодору) и видел, как она из-под подушки доставала красивых «лялек».

«Царь все понял, воспылал гневом и, как встал из-за стола, сразу отправился к жене, осыпал ее всякой бранью и бесстыдным языком своим обозвал идолопоклонницей и передал слова помешанного. На что она, уняв гнев, сразу ответила: „Не так, совсем не так, царь, понял ты это. Мы со служанками смотрелись в зеркало, а Дендрис увидел отраженные там фигуры, пошел и без всякого смысла донес о том господину и царю“. Так удалось ей тогда погасить царский гнев».

Втайне от мужа Феодора приучала к иконопочитанию и дочерей, которые часто бывали в доме ее матери Феоктисты. Однажды младшая из девочек рассказала императору, что их бабка в ларце держит «прекрасных кукол», которых прикладывает ко лбу своих внучек и просит, чтобы их с благоговением целовали. «Ее лепет привел царя в бешенство, но от суровых и жестких мер удержали его достоинство и благочестие этой женщины, но не меньше

также и ее право свободной речи. Поэтому царь ограничился тем, что преградил к ней доступ своим дочерям и воспрепятствовал частым их посещениям».

Продолжатель Феофана сообщает, что мать Феодоры «в открытую порицала непрекращающиеся гонения на исповедников, осуждала его откровенную ересь» и имела смелость открыто обличать императора. Таких же убеждений были все братья и сестры Феодоры.

Многие ненавидели императора Феофила за его иконоборческий указ, где говорилось: «Я запрещаю изображать и рисовать их, дабы не воспылало к ним любовью существо низменное, а пусть только взирает на одну истину». Из-за указа, пишет Продолжатель Феофана, «принялись низвергать по всем Божиим церквям образа, а вместо них изображать и рисовать зверей и птиц».

Видя оголенные стены церквей с восточными орнаментами (Феофил, помимо прочего, был большим поклонником арабской культуры) и изображениями птиц, современники считали их свидетельством «звериного и рабского образа мыслей императора». А когда во Влахернской церкви иконы на евангельские сюжеты были уничтожены и заменены картинами и цветами, деревьями и птицами, прихожане с обидой говорили, что храм «превращен в овощной склад и птичник».

Но царица Феодора знала о своем супруге то, что от других было скрыто, – Феофил был сомневающимся, колеблющимся иконоборцем. В глубине души император не был до конца уверен в справедливости гонений на почитателей икон. Нередко Феофил подолгу беседовал с защитниками икон, желая понять истину, а иногда монахи «целым строем являлись к нему», и император внимательно выслушивал все их доводы.

Однажды некий монах во время диспута настолько поколебал убеждения императора, что тот отправил его к Иоанну Грамматику, которого в 837 году возвел в сан Патриарха Константинопольского. Но в том споре монах и Патриарха «обратил в существо рыбы безмолвнее, причем не софистическими и диалектическими доводами, а апостольскими и евангельскими речениями».

Известен случай, когда в диспуте участвовали два брата-монаха Феодор и Феофан из Палестины, прозванные позднее «начертанными». Феофан пытался убедить императора в том, что иконоборцы нарочно держат в дворцовой библиотеке «искаженно» переписанные книги, а на самом деле у святых отцов Церкви нигде нет хулы на иконы.

«Когда же блаженный Феофан вразумил его и пальцем показал, где через три листа найти искомое, царь уже не смог перенести его смелости и, сознавая его правоту, сбросил прежнюю маску великодушия, обнажил зверя и сказал: „Негоже царю терпеть оскорбления от таких людей“».

После этого, как пишет Продолжатель Феофана, император «велел отвести монахов во внутренний сад Лавсиака, дать по двадцать ударов и на лбу у каждого выжечь нелепые ямбы собственного сочинения». Византийский историк даже приводит целиком это стихотворение императора Феофила из двенадцати строф, которое заканчивается словами:

Не отреклись от беззаконной глупости,
И вот с клеймом на лбу, как у преступника,
Осуждены и изгоняются опять.

Снова Феофил впал в гнев, и опять – эксцентричная выходка… Не из-за собственных ли колебаний?

Примечательно, что в последнее время император брал с собой в военные походы будущего епископа Мефодия, убежденного защитника икон, выпущенного из тюрьмы.

«Причем делал это не впервые и не сейчас только, а постоянно, и держал его при себе, то ли чтобы тот благодаря присущей ему мудрости разъяснял Феофилу (который был

неутомимым исследователем тайного) вещи неясные и для большинства неизвестные, то ли потому, что из-за распри по поводу почитания святых икон боялся восстания с его стороны» (Продолжатель Феофана).

В общей сложности, как подсчитали историки, император Феофил провел восемнадцать войн, и не все они были удачными.

Поражением для Феофила закончилась и битва за город Аморий, когда арабы захватили в плен всех оставшихся в живых византийских военачальников. В течение семи лет их держали в темнице, после чего предложили отказаться от Христа и принять ислам. Все они не отреклись от веры и сложили свои головы 6 марта 845 года. В этот день Церковь ежегодно отмечает память сорока двух аморейских мучеников.

Во время последнего арабского похода император Феофил выпил талой воды и заболел желудочной болезнью (дизентерией), которая оказалась смертельной.

Болезнь и кончина молодого императора стала для всех неожиданностью.

Больше всего Феофил опасался, что сразу же после его смерти родственники Феодоры вступят в схватку за трон, оттеснив сына-наследника. Боялся он также измены со стороны влиятельного военачальника Феофоба.

Как рассказывает Продолжатель Феофана, император не успокоился до тех пор, пока военачальник Феофоб не был казнен и умирающему Феофилу не доставили его голову. «А когда, во исполнение приказа, ее принесли, схватил ее рукой за нос и сказал: „Теперь и ты не Феофоб, и я не Феофил“».

Впрочем, историк тут же добавляет, что, возможно, Феофоб был казнен кем-то из его многочисленных врагов, а вовсе не по приказу умирающего императора. Да и в приведенной реплике императора Феофила нет торжествующей радости по поводу страшного трофея.

На смертном одре Феофил провозгласил сына Михаила императором, а царицу Феодору – регентшей при двухлетнем наследнике до тех пор, пока тот не достигнет совершеннолетия.

Царица Феодора находилась рядом с супругом до последнего его вздоха. Незадолго до кончины, когда они были наедине, император вдруг попросил ее принести икону и «прильнул своими устами к святому изображению».

Феофил умер 20 января 842 года, процарствовав двенадцать лет и три месяца. Он велел подданным после своей смерти соблюдать «благорасположение к супруге и сыну».

В совет при царице Феодоре, ставшей регентом малолетнего монарха, вошли ее старший брат Варда, дядя по отцовской линии Мануил, логофет Феоктист, упоминают также и подросшую к тому времени старшую дочь Феклу.

Все они были сторонниками иконопочитания, и почти сразу же во дворце стали говорить о необходимости указа в защиту икон. Побеседовать на эту тему с убитой горем царицей было поручено ее дяде Мануилу, которого покойный император особенно любил, называя своим спасителем и благодетелем. Однажды во время сражения Мануил спас царю жизнь и буквально силой вытащил с поля боя, привязав его коня за свой ремень.

Услышав о восстановлении Православия, царица Феодора сказала: «Всегда того желала и радеть о том никогда не переставала». И заверила дядю, что давно думала об этом, но ей мешали полчища дворцовых сановников, многочисленные митрополиты-иконоборцы, а больше всех – Патриарх Константинопольский Иоанн Грамматик, имевший огромное влияние на покойного супруга.

Выслушав ее, Мануил сказал: «Раз ты, госпожа, так похвально рассуждаешь и мыслишь, что мешает тебе привести все в исполнение и велеть совершить сие всенародное торжество?»

Действовать решили немедля, известив через посыльного Патриарха Иоанна Грамматика, что множество благочестивых христиан просят царицу восстановить почитание икон и она согласна подписать указ.

«Если ты с ними согласен и заодно, да восстановит былую красу Божия Церковь. Если же пребываешь в сомнениях и не тверд мыслью, оставь трон и город, удались в свое именьице, жди там святых отцов, что готовы обсудить, и поспорить, и убедить тебя, если будешь дурно говорить об иконах», – было начертано рукой царицы Феодоры в послании патриарху-иконоборцу.

Дело было деликатное, так как перед смертью император Феофил взял слово с царицы и логофета Феоктиста, что они не поколеблют положения Патриарха Иоанна. Но на этот раз Иоанн Грамматик сам себя перемудрил. Получив от Феодоры ультиматум, он попросил время на размышление, после чего нанес себе ножом неопасные раны в живот. По столице тут же распространились тревожные слухи, будто бы Патриарх Иоанн убит по приказу императрицы.

Церковь Святой Ирины. Константинополь, Византия
(современный Стамбул, Турция). VI в.

Византийский историк X века Иосиф Генезий пишет: «Когда было раскрыто, что эта театральная сцена измышлена со злым намерением, остроумный расследователь возгорел гневом, почему он по заслугам лишился церковной власти». Было произведено расследование, в ходе которого Патриарха признали, ссылаясь на показания прислуги, виновным в преднамеренном нанесении себе ран с целью вызвать волнения в столице. Иоанн был свергнут церковным Собором с кафедры «за попытку самоубийства».

Царица Феодора, помня о данной супругу клятве, не позволила его преследовать. Иоанн Грамматик удалился в собственное «именьице» в местечке Психа на европейском берегу Босфора, где спокойно жил до конца своих дней.

Новым Патриархом Константинопольским был избран Мефодий, в свое время немало пострадавший от иконоборцев.

На Константинопольском Соборе 843 года был зачитан и одобрен томос (постановление), текст которого не сохранился, но известно, что он провозглашал необходимость восстановления почитания икон и анафематствовал иконоборцев. Указом за подписью императрицы из ссылки возвращались все, кто ранее был осужден за почитание икон. Епископы, выступавшие в защиту икон, были возвращены на свои церковные кафедры.

Заслуга царицы Феодоры состояла в том, что она не побоялась взять на себя ответственность за преобразования, которые могли бы вызвать бунт иконоборцев и свержение ее с престола. У Феодоры была лишь одна просьба к участникам Собора, осудившего иконоборчество, и, судя по свидетельству Продолжателя Феофана, выражена она была весьма категорично: «А прошу я для своего мужа и царя от Бога прощения, милости и забвения греха. Если этого не случится, не будет ни моего с вами согласия, ни почитания и провозглашения святых икон и не получите вы Церковь».

Требование не произносить анафемы на ее покойного мужа и разрешить императора Феофила, уже после его смерти, от грехов, многих привело в замешательство. За всех ответил Патриарх Мефодий, заявив, что просьба императрицы, к сожалению, невыполнима по двум причинам.

«Нам доверены Богом ключи от Неба, и мы в силах отворить его любому, однако тем только, кто живет этой жизнью, а не переселился в иную. Иногда, однако, и переселившимся, но тогда только, когда их грехи невелики и сопровождаются раскаянием. Тех же, кто ушел в иной мир и чей приговор ясен, мы не можем освободить от искупления», – сказал Патриарх.

Тогда Феодора рассказала всему церковному собранию, как император перед смертью раскаялся в грехе иконоборчества и поцеловал принесенную ею икону. «И клятвенно заверила сей святой хоровод, что в последний его час я плакала, рыдала, все ему выплакала и изобразила, что грозит нам, ненавистным, за эту ересь в сем городе: лишение молитв, проклятий град, восставший народ – и вселилось тогда в него раскаяние в этой ереси. Он попросил их, я протянула, он их с горячностью поцеловал и отдал душу Ангелам», – пишет Продолжатель Феофана.

Тогда Константинопольский Собор постановил в течение недели во всех столичных церквях молиться за спасение души покойного императора Феофила.

После Собора Феодора устроила церковное торжество. Оно пришлось на первое воскресенье Великого поста (в 843 году оно выпало на 11 марта).

«…И когда бесчисленное множество народа собралось, приходит и сам царь Михаил со святой и православной матерью своей Феодорой и со всем синклитом… соединившись со святым Патриархом, вместе двинулись от алтаря со святыми иконами и честным крестом и Святым Евангелием и пошли с литией до ворот дворца, так называемых Кентавриевых. И после долгой молитвы и сокрушенного многоплачевного и умиленного взывания „Господи, помилуй“ возвратились во святой храм для совершения Божественной таинственной литургии с великой радостью и торжеством».

С тех пор каждый год в первое воскресенье Великого поста установлено отмечать праздник, получивший название «Торжество Православия».

Продолжатель Феофана приводит интересное свидетельство, какое наказание было придумано в Константинополе иконоборцам: «Благодаря прощению и заступничеству Патриарха перед властителями клеветники сподобились не наказаний и пыток, которые заслужили, а помилования, и в искупление своих грехов должны были лишь ежегодно в праздник Православия шествовать со светильниками от святилища Богоматери во Влахернах до славного Божия храма Мудрости и своими ушами выслушивать, как проклинают их за ненависть к Божиим иконам. Это соблюдалось весьма долго и совершалось ими до конца жизни».

Для самой царицы Феодоры восстановление почитания икон, помимо радости, было связано и с немалыми душевными муками: теперь все вокруг открыто осуждали иконоборческую политику и проклинали ее любимого супруга.

Во время пира по случаю торжества Православия во дворце присутствовало много тех, кто пострадал за иконопочитание, в том числе Феофан из Палестины с братом Феодором. Заметив у них на лбах выжженные буквы, Феодора сильно опечалилась и заметила вслух: «Из-за этих букв поражаюсь я и вашему терпению, и жестокости вашего мучителя». На что Феофан ей ответил: «О надписи этой мы рассудим с мужем твоим и царем на неподкупном суде Божием». Услышав, что к этому злодеянию причастен покойный император и не все хотят его простить, царица Феодора залилась слезами и стала умолять исповедников молиться за ее мужа.

С такой же просьбой императрица обратилась к известному иконописцу Лазарю, пострадавшему во время правления императора Феофила. Известного рисовальщика икон пытали, увечили ему руки, а когда было восстановлено почитание икон, своими изувеченными руками Лазарь создал мозаическую икону Иисуса Христа, которую поместили над воротами Халки – парадного вестибюля Большого дворца в Константинополе. Эту икону все считали чудотворной.

Когда царица Феодора вызвала Лазаря во дворец, прося, чтобы тот вымолил у Бога прощение за мужа, тот милостиво сказал: «Справедлив Бог, царица, и не забудет моей любви и трудов моих ради Него, не предпочтет его ненависть и его безумство».

В Константинополь были торжественно перенесены останки знаменитых исповедников Православия Феодора Студита и Патриарха Никифора, умерших в изгнании. На встречу святых останков вышла царица Феодора с сыном, весь императорский двор принял участие в процессии, пройдя со свечами по улицам Константинополя до храма Двенадцати Апостолов.

«И восстановила Церковь свою красу, ибо вновь стали непорочно совершаться святые таинства. И расцвела Православная Церковь и обновилась, подобно орлу», – пишет Продолжатель Феофана о главной исторической заслуге византийской царицы Феодоры.

Почти четырнадцать лет продолжалось регентство Феодоры, и она делала все возможное, чтобы в годы своего правления сохранить то лучшее, что было создано ее мужем. Прежде всего, это касалось соблюдения гражданских законов и наведения порядка в государстве.

У императора Феофила было такое правило: каждую неделю он отправлялся на богослужение в храм Святой Софии и на улице принимал жалобы от горожан. «Кроме того, царь имел обыкновение обходить рынок и осматривать товары. У каждого торговца он спрашивал, за сколько продает тот на рынке, причем делал это не мимоходом, а весьма внимательно и усердно и спрашивал не про один какой-то товар, а про все: еду, питье, топливо и одежду, да и вообще про все выставленное на продажу».

Царица Феодора тоже вела государственные дела с рачительностью хозяйки, приумножая казну и умело проводя внешнюю политику. В период ее правления было одержано несколько военных побед над арабами, отражено нашествие болгарского царя Бориса I. По словам византийских писателей, Феодора направила болгарскому царю такое послание: «Если ты восторжествуешь над женщиной, слава твоя не будет стоить ничего; но, если тебя разобьет женщина, ты станешь посмешищем целого мира».

Царь Борис предпочел сохранить мир, а в начале 860-х годов принял крещение с именем Михаил; так звали и сына императрицы Феодоры.

Как показало время, император Феофил не напрасно опасался родственников Феодоры, и в особенности – ее старшего брата. Варда давно мечтал занять императорский трон или посадить на него своего сына Антигона, но боялся действовать открыто. Он выбрал дру-

гую политику и методично, с каждым годом все больше, подчинял своему влиянию императора Михаила III, потакая его дурным наклонностям.

Занятая государственными делами, Феодора не замечала, что с детства всеми заласканный царевич целые дни проводит на ипподроме, управляя колесницами («О, унижение царского достоинства!» – горестно вздыхает Продолжатель Феофана), или устраивает шутовские оргии в компании собутыльников. За свою несдержанность и пристрастие к вину Михаил III заслужил у современников прозвище «пьяница».

Варда постарался устранить от государственных дел Мануила. В результате интриг дядя Феодоры все реже появлялся во дворце, предпочитая вести частную жизнь. Затем пришла очередь логофета Феоктиста, который был главным финансовым помощником царицы и ее незаменимым советником во всех государственных делах. Варда постоянно ругал управление государством, говорил, что Феоктист плохо распоряжается средствами, стал распускать грязные слухи про него и царицу. Как утверждает Продолжатель Феофана, Варда сумел внушить Михаилу, будто бы мать собирается выйти замуж за логофета или отдать за Феоктиста одну из дочерей, чтобы сделать своего любимца императором (современные историки склонны приписывать эти нелепые слухи фантазии самого автора хроники, ведь Феоктист был евнухом). А для того чтобы освободить Феоктисту дорогу к трону, якобы даже готова по примеру императрицы Ирины ослепить сына.

Вскоре Варде удалось убедить шестнадцатилетнего Михаила, что логофета необходимо убить, мать отстранить от власти, а ему самому – занять трон. Был составлен план, как расправиться с Феоктистом, но, когда логофета подстерегли и окружили на улице, никто из воинов «не посмел его и пальцем тронуть». Феоктиста отвели в темницу и уже там умертвили.

«А Феодора, как узнала об убийстве, бросилась бежать с распущенными волосами, рыдая и плача, наполняя стенаниями царский дворец и осыпая проклятиями обоих. „Мерзкие и бесстыдные звери, – кричала она, – так вот как ты, неблагодарное отродье, отплатил своему второму отцу злом за добро? А ты, завистливый и отвратный демон, осквернил мою власть, которую блюла незапятнанной и чистой? Не укроются ваши преступления от Бога, не иначе как предаст он вас обоих одной губительной смерти!“ И, воздев руки, воззвала к Богу: „Дай, Господи, дай увидеть возмездие за этого человека“», – рассказывает Продолжатель Феофана.

Это был открытый вызов, но царица Феодора не хотела вступать в борьбу за трон с собственным сыном. В январе 856 года императрица собрала членов сената, дала отчет о состоянии денежных сумм в казне, после чего официально отказалась от регентства, передав всю власть шестнадцатилетнему императору Михаилу III.

Оказалось, что во время ее правления казна пополнилась большими запасами в золоте и серебре: 1090 кентинариев золотом и 3000 кентинариев серебром, что приблизительно равняется 35 миллионам рублей – огромная по тем временам сумма.

«Часть денег добыл и накопил ее муж, а часть она сама, ибо не любит роскошествовать и расточать средства», – сообщает Продолжатель Феофана.

Увы, император Михаил III бездарно растратил эти сбережения и в конце своего правления имел такую нужду в деньгах, что отдал для чеканки монеты хранившиеся во дворце царские одеяния своих родителей: «…одни – золотые, другие – золотом шитые».

По приказу сына Феодора вместе с четырьмя незамужними дочерьми была пострижена в монахини и стала вести тихую, уединенную жизнь в одном из монастырей Константинополя.

По ряду источников, Феодора мирно скончалась 11 февраля 867 года, «завещав сыну имя не мерзкое, а почтенное и доброе».

Если дата ее смерти верна, то царица не узнала о смерти своего двадцатисемилетнего сына: 24 сентября того же года Михаил III был убит заговорщиками.

Но до того года, который для Феодоры и ее легкомысленного сына стал последним, она, по версии ряда исследователей, восемь лет провела в стенах дворца Кариан, который когда-то для нее и дочерей построил император Феофил.

Дважды по распоряжению императора и Варды из дворца выносили дорогую мебель, светильники, ковры, посуду и все ценное под предлогом, что отныне женщинам не позволено жить по-царски, а лишь как обычным частным лицам.

Дворец, в строительство которого Феофил вложил свою любовь к прекрасному, от этого не стал хуже.

Иногда по вечерам царица Феодора выходила на балкон и смотрела на город.

На стенах Константинополя, которые император Феофил укрепил и сделал неприступными для врагов, теперь было начертано его имя. И всякий раз Феодора заново удивлялась тому, как много за двенадцать лет правления успел построить в столице ее супруг Феофил.

Его постройки отличались изысканной, небывалой роскошью.

Триконх (храм с трехлепестковым расположением апсид) с золоченой крышей, в который можно было войти с трех входов, покрытых серебром и полированной медью.

Сигма – редкостной красоты строение в виде буквы греческого алфавита, крыша которого поддерживалась мраморными колоннами.

Великолепные павильоны-храмы: опочивальня Гармонии, храм Дружбы, храм Любви – все эти здания построил и придумал для них названия тоже император Феофил.

В одном из этих дворцов он когда-то вручил Феодоре золотое яблоко.

Но больше всего утешения царице приносило воспоминание о сне, увиденном в первую неделю Великого поста в тот год, когда епископы и народ всю неделю молились в храмах столицы о даровании императору Феофилу прощения его грехов. В ночь с пятницы на субботу Феодоре приснилось, будто она стоит на форуме возле колонны Константина Великого и видит, как какие-то люди ведут мимо связанного мужа.

Императора Феофила подвели к престолу, на котором в сиянии сидел Христос; напротив находилась огромная икона Спасителя. Тогда Феодора упала перед престолом на колени, стала умолять простить своего супруга. И услышала в ответ: «О, женщина, велика твоя вера! Итак, знай, что ради твоих слез и твоей веры, а также по просьбам и молениям архиереев Я дарю прощение твоему мужу». И тогда, во сне, Феофила тут же развязали и отпустили…

Наутро Феодора рассказала о сне членам Синода, и все поверили, что Господь простил ее супругу все грехи…

Быстро, как будто разом выключали свет, на Константинополь, все его площади и дворцы опускалась ночь. И тогда Феодора шла в свой домовой храм, где повсюду на стенах были иконы Спасителя, Богородицы, святых мучеников – самых близких ее покровителей и помощников.

Святитель Ансгарий (ок. 801 – 865)

Святитель Ансгарий. Фрагмент фрески. Олле Хьерцберг. Церковь Откровения, Сальтшёбаден, Швеция.

Боже, избавь нас
от неистовства викингов!
Средневековая молитва

…Ансгарий не спешил с ответом королю франков: он давно ничего не предпринимал сразу, не узнав, есть ли на то Божия воля.

Откровение могло прийти во сне, во время молитвы, когда знакомая строка псалма вдруг озарялась новым смыслом и становилась ответом, или как-то еще.

Король предложил ему снова отправиться в Свеаланд, на земли викингов, впрочем, оставив свободу выбора. Все слишком хорошо помнили, как восемь лет назад взбунтовавшиеся норманны изгнали из страны епископа Симона: ворвались с оружием в храм, зарубили мечом его племянника Нитрарда, который пытался оказать сопротивление. А потом без разбора стали грабить церковную утварь и книги, хватая все, что блестело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.